

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-179-185

ПУШКИНСКИЙ СЛЕД В МИФЕ О БРОДСКОМ

© Ирина Баландина

PUSHKIN'S TRACE IN THE MYTH OF JOSEPH BRODSKY

Irina Balandina

The article examines the influence of stable elements inherent in Pushkin's myth on the ways the myth of Brodsky is constructed. Proceeding from the fact that the space of mythmaking is primarily those literary genres, in which the author's subjective position is most expressed, the study focuses on memoir literature, interviews, as well as multi-genre texts of journalistic and literary-critical nature. The comparative analysis shows the main lines of convergence in the myths about the two poets, which is possible due to their orientation towards the traditional cultural myth about the "Russian ideal poet". The article shows that the myths about the poets of two centuries are built on the following similar subjects: the peculiarity of national positioning; fundamental alienation from their direct dependence on society; fatality of poetic service; unprecedented contribution to culture; unquestionable genius. The article concludes that the myth about Pushkin, which is a sample of the Russian variation of the "ideal poet" myth, became in demand as early as at the time of Brodsky's contemporaries as an opportunity to justify the continuity of the Russian poetry development "from Pushkin to Brodsky".

Keywords: Joseph Brodsky, Pushkin and Brodsky, Pushkin's trace, myth about the poet, myth constructing

В статье рассматривается влияние устойчивых элементов, свойственных пушкинскому мифу, на способы конструирования мифа о Бродском. Исходя из того, что пространством мифотворчества являются прежде всего те литературные жанры, в которых в большей мере выражена авторская субъективная позиция, исследование сосредоточено на мемуарной литературе, интервью, а также разножанровых текстах публицистического и литературно-критического характера. В ходе сопоставительного анализа показаны основные сближения между мифами о двух поэтах, ставших возможными благодаря ориентации на традиционный культурный миф об «идеальном поэте России». Выявлено, что мифы о поэтах двух веков строятся по следующим схожим сюжетам: особенность национального позиционирования; принципиальная отчужденность от прямой зависимости от общества; гибельность поэтического служения; беспрецедентность вклада в культуру; неоспоримая гениальность. Делается вывод о том, что миф о Пушкине, являющийся образцом русской вариации мифа «об идеальном поэте», стал востребован уже современниками Бродского как возможность оправдания проведения прямой линии преемственности развития отечественной поэзии «от Пушкина до Бродского».

Ключевые слова: И. Бродский, Пушкин и Бродский, пушкинский след, миф о поэте, конструирование мифа

Для цитирования: Баландина И. Пушкинский след в мифе о Бродском // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 179–185. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-179-185

В посвященных Иосифу Бродскому воспоминаниях его современники часто сходятся в одном: Бродский – последний классический поэт, значительно расширивший рамки русской (и мировой) литературы. Это приводит к ставшему уже привычным в бродсковедении сопоставлению его с Пушкиным, революционером в русской литературе, с которого началась новая поэзия и проза, не подчиняющаяся существующему канону. В. Полухина отмечает: «Сегодня Брод-

ский – единственный из русских поэтов, кого многие из его собратьев по перу, чистосердечно или сквозь зубы, называют гением <...>. Обще-принятым стало сравнивать его не только с Мандельштамом, Цветаевой и Ахматовой, но и с самим Пушкиным <...>» [1, с. 300].

В формировании мифа о поэте большую роль играет традиция: поэтическая мифология присуща многим знаковым поэтам, достаточно назвать имена Ахматовой, Мандельштама, Пастернака,

М. Цветаевой. Миф о поэте как культурный феномен включает в себя устоявшиеся в обществе стереотипы о происхождении его гения, творческом поведении, художественных особенностях письма и культурной значимости. В случае с Бродским становится важным и жанровое поле, в котором функционирует и формируется миф о нем. Это в первую очередь жанры, несущие в себе существенный след субъективного авторского видения: мемуаристика, интервью о поэте и литературно-критические труды публицистического характера о его творчестве. В научном дискурсе уровень мифотворчества, что естественно, стремится к нулю. Материалом данной статьи становятся тексты «субъективной» группы жанров, а ее целью – реконструкция и исследование основных проблемно-тематических групп и существующих формул, создающих мифологичный образ поэта в глазах его современников.

Знаковым для мифа о Бродском, как и его автимифа, является культурный миф об идеальном поэте. Именно он ставит его в один смысловой ряд с Горацием, Данте и Пушкиным, сопоставление с которым укрепляет положение поэта в русском литературном пространстве. Существующая в литературоведении и критике привычка очерчивать границы русской классической литературы «от Пушкина до Бродского» в том числе поддерживает тенденцию их сопоставления как «первого и последнего классического поэта». Разумеется, подобное разграничение – это попытка упростить и выпрямить литературную хронологию, однако данная формула стала довольно устойчивой в широком обиходе благодаря своей простоте и емкости.

Биографический миф о Пушкине – первый в русской культуре образец мифа о поэте, сформировавшегося из традиции как архаических мифов, так и христианского жизнеописания святых – агиографии. Т. Г. Шеметова определяет это явление культуры и литературы как миф нового времени, который формируется коллективным сознанием [2], что позволило исследовательнице в своей статье «Персонификация исторической памяти в мифах о Пушкине и Бродском» [3] подробно рассматривает социокультурные аспекты формирования мифа о Бродском, предпосылки и последствия его появления.

«Пушкинский миф» начинает складываться еще в середине XIX в. и формируется на протяжении жизни поэта, окончательно утверждаясь в культурном коде русской литературы к XX в. В пушкинистике выделяются следующие, связанные с биографией и личностью поэта мифологемы: «Потомок негров», «Чудо-ребенок», «Сверчок», «Няня», «Пророк», мифологема «Я вас лю-

бил» или «Утаенная любовь», «Дантес» [4]. Устойчивость пушкинского мифа и его всеобъемлющая значимость подтверждаются как попыткой футуристов «сбросить Пушкина с корабля современности», так и стремлением создать контрмиф, «развенчать» Пушкина как довлеющий над искусством идол (критика Д. И. Писарева, «Прогулки с Пушкиным» А. Терца (А. Д. Синявский), «Дон-Жуанский список А. С. Пушкина» П. К. Губера). Впрочем, развенчивая классический миф, авторы создают новый и вновь утверждают укорененность пушкинского кода в русском сознании.

Иосиф Бродский оказался еще одним знаковым поэтом русской культуры, о котором так ярко и еще при жизни начала формироваться мифология. Уже в 1960-е гг. об уникальном даровании молодого поэта начинают говорить его коллеги по цеху. Томас Венцлова так вспоминает их знакомство: «Когда я встретился с Бродским в 1966 году, я знал, что он гений, но непосредственное ощущение этого возникло не сразу. Было очевидно, что он человек трудный, закомплексованный, очень живой, умный и оригинальный. Но гений? Сразу не скажешь. Репутация Бродского слилась с прямым ощущением его личности через год-полтора» [5, с. 147]. В дальнейшем восприятие Бродского как «живого классика» начинает культивироваться в обществе сначала во время судебного процесса в 1960-е гг., а затем и в эмиграции.

«Какую биографию делают нашему рыжему! Как будто он кого-то нарочно нанял», – восхищалась «прописанностью» его судьбы Анна Ахматова. Пожалуй, «пиар-стратегия» у Бродского и тех, кто ее неосознанно/осознанно выстраивал, была действительно одной из лучших для своего времени. Но во фразе Ахматовой слышна и ирония: кто еще, как не она, так талантливо строил свой собственный образ и миф? Именно у нее Бродский, по мнению Владимира Соловьева, и научился автомифотворчеству: «Чему еще научился ИБ у АА, так это ее *modus vivendi* – имперскому и императивному стилю, культу собственной личности, перформансу (вдобавок, а иногда и взамен стихов), жизнетворчеству, стратегии успеха, самопиару и самомифологизации, но, само собой, куда с большим размахом и куда в более крупном, мировом масштабе» [6].

Ахматовская формульная фраза фактически сделала Бродскому «биографию», стала символом искусственно сотворенной шумихи вокруг деятелей искусства: запрет и критика – лучшая реклама. Она же, Ахматова, заложила в свое время основы связи Пушкин – Бродский, сыграв на известном культурном сюжете: как Жуков-

ский подарил Пушкину свой портрет с подписью «Победителю ученику от побежденного учителя», так и Ахматова дарит Бродскому в 1963 г. свою книгу стихов с подписью «Иосифу Бродскому, чьи стихи мне кажутся волшебными» [7, с. 92]. Их взаимоотношения критики и биографы неоднократно будут сопоставлять с отношениями Пушкина и Жуковского, подпитывая тем самым эту связь.

Формульные характеристики предлагает и Лев Лосев в «Опыте литературной биографии»: Петербуржец, Разнорабочий, Ученик, Тунеядец, Посвященный, Поэт, Не-философ, Американец, Лауреат, Невозвращенец. Параллельно формируются другие, не менее устойчивые: поэт-бухгалтер (определение Э. Лимонова), живой классик, изгнанник. Складывающийся в кругах советской и русскоязычной интеллигенции «культ Бродского» вызывает яркое противодействие, и, как и о Пушкине, о Бродском параллельно с утверждением его величия создаются труды, призванные «понизить градус», на что направлены как критические статьи А. Солженицына и «Непредсказуемый Бродский» Аси Пекуровской, так и, например, книга «Апофеоз одиночества» Владимира Соловьева.

Представляется возможным выделить три значимые точки соприкосновения мифов о Пушкине и Бродском в культурном пространстве третьей трети XX в.: принадлежность их творчества, нахождение вне существующих социокультурных систем и значение для русской и мировой литературы.

В мифе как о Пушкине, так и о Бродском особое место занимает принадлежность их творчества к русскому культурному пространству. Речь идет далеко не о происхождении самих поэтов: они оба оказываются несколько отдалены от «русского» и «русскости», что оказывается еще одной точкой их сближения. Западные исследователи любят акцентировать внимание на «американской» поэзии Бродского, влиянии английской и американской литературы на его творчество, порой его пытаются назвать еврейским или американским поэтом, забывая о его самоопределении, которое выражается одной емкой фразой: «Я еврей, русский поэт и американский гражданин» [8, с. 61]. Бродский не отказывается от своих корней, но достаточно категорично разделяет гражданство, национальность и культурную принадлежность своего творчества — и его поэзия, несмотря на выраженное влияние английской метафизики, все же глубоко своими корнями лежит именно в русской литературе от его «Подражания сатирам, сочиненным Кантемиром» до объявления Е. А. Баратынского вели-

ким в Нобелевской лекции в обход Пушкина. Свою прозу Бродский принципиально пишет на английском, считая его структуру более подходящей, но поэзия — исключительно русская, и любому англоязычному стихотворению почти всегда в случае Бродского предшествует русскоязычный оригинал.

По мнению современников поэта, значимость и Пушкина, и Бродского для русской и российской литературы определяется даже не языком их письма, а, как подчеркивает М. Хейфец, идеальным адресатом их стихов: «Пушкин не африканский писатель, а российский, потому что обращался ко всем читателям Российской империи. <...> С этой позиции Бродский никогда не был еврейским писателем и не собирался им становиться — потому что мысленно обращался к читателям Российской империи (Советского Союза)» [9, с. 49].

Именно адресованность творчества, вклад в русскую литературу делает поэтов теми, кто они есть: Пушкин был первым, по словам Аполлона Григорьева, «нашим всем», а Бродский, значительно расширивший границы поэзии и утвердивший как норму литературности, по мнению Виктора Куллэ, то, что Пушкин когда-то ввел, рискуя пошатнуть и разрушить весь литературный язык, становится в глазах его современников «нашим всем».

Одним из характерных для мифа о поэте признаков становится «выламывание» гения из сложившейся системы, будь то собственно литературный канон эпохи, или политические и философские взгляды. Яркой чертой «гения» становится его инаковость, отказ от принадлежности к какой-либо группе, отличие от его современников. В мемуарной литературе о Пушкине нередко акцентирование внимания на его земном, бытовом поведении поэта: необузданность, взрывчатость, склонность к эпатажу. И. В. Немировский о творческом поведении молодого Пушкина говорит так: «для самого поэта важны были все три составляющие его творческого мировоззрения, а именно: подчеркнутый эротизм, религиозное вольномыслие и политический либерализм» [10, с. 120]. За связь с декабристами и революционные взгляды в молодом возрасте Пушкин оказался сослан на Кавказ. Однако в рядах декабристов он все же не был, а образ его мысли и творчества не вписывался ни в классицистический, ни в романтический канон: эпатаж и свободомыслие, интерес к физической стороне жизни выделяют Пушкина из существующих литературно-культурных моделей эпохи. Своими политическими взглядами он противоречит классицизму, физическими проявлениями — возвышенному и

внеземному образу идеального поэта романтиков, и именно эта невозможность загнать его в рамки литературного направления или политического течения делает образ Пушкина в восприятии окружающих чем-то уникальным.

Лев Лосев, говоря о сложностях интерпретации Бродского, признавал: «Иосиф по природе своей был человеком необычным. Как я уже сказал, таким уж он уродился – с повышенной интенсивностью чувств, скоростью мысли. <...> У нас просто-напросто нет и не может быть сравнимого собственного опыта, чтобы вполне понять ход мысли и чувства гения. Даже Лотман или Гаспаров, когда имеют дело, скажем, с Пушкиным или Мандельштамом, это меньшее, пытающееся осознать большее» [11, с. 72]. Образ мысли человека, нарекаемого гением, понять человеку нормальному если не невозможно, то крайне сложно. Бродский, по воспоминаниям его друзей и коллег, всегда выделялся из толпы: невротическим, по Лосеву, складом характера, несуразностью образа. Олег Целков [12] вспоминает свой шок от облика Бродского на выставке в Турине, когда тот вышел на сцену читать лекцию с порванной и торчащей из-под «рыжеватого пыльного» пиджака подкладкой кармана, что указывало и на отчужденность, и цинизм. Он перенимал кошачьи повадки и имел кошачий характер: свободолюбивый и отстраненный, скрывающий за маской холодности и темным слогом стихов бурю происходящих внутри эмоций.

В то время, когда нужно было писать для власти о власти, Бродский писал о любви и, кажется, искренне не понимал, почему оказывается за это под судом. С. Довлатов вспоминает: «Разумеется, он не был советским человеком. Любопытно, что и антисоветским не был. Он был где-то вне... В нем поражало глубокое отсутствие интереса к советским делам. Совершенное в этом плане невежество» [13]. Аполитичность Бродского в восприятии его современников подкрепляется его поведением в эмиграции: вопреки ожидаемой от него западными СМИ и достаточно характерной для того времени позиции относительно советской власти, он отказывается открыто комментировать в интервью и свой судебный процесс, и причины высылки, и свое отношение к советскому политическому строю. Маской поэта и его главной особенностью, выделяющей его из ряда не менее одаренных современников, стала та самая отчужденность, пыльный пиджак в роскошном театре.

Но неизменным и единым как в мифе о поэтах, так и в собственной их идентичности было то, что в своем творческом поведении они в первую очередь были Поэтами, осознающими свое

превосходство над публикой и отличие от «толпы»: не зря мотив непонимания обществом появляется у Пушкина в его стихотворении «Поэт и толпа», а у Бродского особенно ярко воплощается в «вороньем профиле» его стихов – для его раннего творчества довольно частотным становится образ «белой вороны». Само неблагозвучие его лирики, воронье карканье вместо соловьиного пения, является отражением самооощущения поэта как чужеродного сложившейся системе.

В мировой культуре гением в первую очередь считается тот, кто способен создать что-то уникальное. Именно подобные личности – Гораций, Вергилий, Леонардо Да Винчи, Данте, Моцарт, Микеланджело, Шекспир – утверждаются как бессмертные для человечества. Подобным образом в русской культуре воспринимается фигура Пушкина, а затем, в определенной части гуманитарного сознания, Бродского.

«Пушкин есть явление чрезвычайное...» [14, с. 50], с Гоголем, как и с продолжившим эту мысль Достоевским, спорить сложно, как и невозможно отрицать всеобъемлющий характер пушкинского слова. Гений Пушкина в том, что он в эпоху канона смог разрушить старые жанровые устои и пересоздать всю систему русского языка, впервые заговорил на нем, как на родном, как Данте когда-то на итальянском, создавая «Божественную комедию».

Сложно переоценить вклад Пушкина в дальнейшее развитие русской литературы: все поэты и писатели, творившие после, своими корнями выходят «из Пушкина», и его влияние, как интертекстуальное, так и прямое, ощутимо до сих пор. Александр Жолковский в исчерпывающей в настоящий момент статье «Интертекстуальное потомство „Я вас любил...“ Пушкина» выделяет более 60 текстов, созданных под влиянием этого стихотворения.

Т. Щербина так определяет вклад Бродского в литературу: «Бродский отправил русский язык <...> в космос, в пространство, где на одно измерение больше, он пытался поставить автора <...> в позицию всевидящего ока, он разрабатывал оптику, запуская себя как телескоп на орбиту, он конструировал машину времени» [15, с. 353], за что в 1987 г. присуждают Нобелевскую премию, признавая его значение для мировой культуры: «за всеобъемлющую литературную деятельность, отличающуюся ясностью мысли и поэтической интенсивностью» [16]. Как и Пушкин, Бродский оказывает большое влияние на дальнейшее развитие русской литературы, его «гены» проявляются во многих текстах XXI в. Разумеется, численность метатекстовых сближений, не-

посредственно связанных с творчеством Бродского, значительно меньше, но даже в коротком временном промежутке (1960–2000-е против двух веков пушкинской эпохи), его влияние в русской литературе проявляется на разных уровнях: от прямого цитирования его строк при рецепции иными видами искусств (Диана Арбенина, Светлана Сурганова, Иван Алексеев, Екатерина Гопенко, Елизавета Иванцов и т. д.) до выраженного внутритекстового отражения мотивов его лирики в стихах поэтов XXI в., например в текстах Бориса Рыжего, Александра Вавилова и Константина Потапова. Помимо этого, существует множество художественных произведений, посвященных Бродскому или написанных «не без мысли о нем». В сборнике интервью «Бродский глазами современников» 1997 г. представлены с прямым посвящением стихи Томаса Венцлова, Чеслава Милоша, Юрия Кублановского, Владимира Уфлянда, Якова Гордина и Анатолия Наймана, и это только сотая часть созданных для Бродского и под его влиянием текстов.

Одной из центральных мыслей Марины Цветаевой в эссе «Мой Пушкин» становится мысль о всезначимости его для всех истинных поэтов. Стихи Пушкину посвящает и Бродский, но пишет собственно не о нем, а о судьбе Поэта, и своей в том числе: «Свои стихи доканчивая кровью, / они на землю глухо опускались» [17, с. 33]. Размышляя о гибели Пушкина, он употребляет местоимения множественного числа, создает глобальный образ поэта, жертвующего собой.

Образ Пушкина становится неотъемлемой частью мифа о Бродском, тесно связывается с ним, подкрепляемый множеством смысловых сближений, которые находят в их образах критики и современники поэта. Симптоматична точка зрения Беллы Ахмадуллиной, которая, справедливо отказываясь сравнивать гениев, называет Бродского новым явлением Пушкина: «Совершенство и совершенство. <...> Его язык невиданный, несслуханный. Это совершенное его открытие» [18, с. 80].

Итак, мифы о поэтах двух веков строятся по следующим схожим сюжетам: особенность национального позиционирования; принципиальная отчужденность от прямой зависимости от общества; гибельность поэтического служения; беспрецедентность вклада в культуру; неоспоримая гениальность. Делается вывод о том, что миф о Пушкине, являющийся образцом русской вариации мифа «об идеальном поэте», стал востребован уже современниками Бродского как возможность оправдания проведения прямой линии преемственности развития отечественной поэзии «от Пушкина до Бродского».

«В какой-то степени все поэты – мифологизированные фигуры. <...> То, что мы о них знаем, не имеет отношения к реальности» [19, с. 208], – констатировала Елена Шварц. Бродский начал ощущать это довольно быстро, и параллельно с мифом о себе создавал свой собственный. В мифе о Бродском и автомифе Бродского есть некоторые сближения: отстраненность, образ изгнанника и первичность в самоопределении образа Поэта, но это принципиально самостоятельные смысловые системы, которые конструируются отдельно друг от друга, хотя и испытывая некоторое взаимовлияние. Образ Пушкина находит место в обоих случаях, и в автомифе Бродского он работает именно как русское воплощение мифа об идеальном поэте. В 1962 г. в стихотворении «Я памятник себе воздвиг иной» двадцатидвухлетний поэт примеривает пушкинскую судьбу к своей: «Пушай меня низвергнут и снесут...» [20]. Для Пушкина «Памятник» – поэтическое завещание, для Бродского – предсказание собственного будущего.

Так, образ Пушкина как идеального поэта становится одной из знаковых вех в конструировании не только мифа о Бродском, но и его автомифа.

Список источников

1. Полухина В. П. Больше самого себя. О Бродском. Томск: ИД СК-С, 2009. 413 с.
2. Шеметова Т. Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 47 с.
3. Шеметова Т. Г. Персонификация исторической памяти в мифах о Пушкине и Бродском // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 18 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/personifikatsiya-istoricheskoy-pamyati-v-mifah-o-pushkine-i-brodskom-1> (дата обращения: 05.10.2024).
4. Шеметова Т. Г. Пушкинский миф: функционирование в современной литературе // Вестник БГУ. 2010. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pushkinskiy-mif-funktsionirovanie-v-sovremennoy-literature> (дата обращения: 18.11.2024).
5. Венцлова Т. Интервью // В. Полухина. Иосиф Бродский глазами современников. Книга вторая (1996–2005). Сборник интервью. СПб.: Звезда, 2006. С. 140–150.
6. Соловьев В. Ахматова, Бродский и сэр Исайя: история тонких отношений // Московский Комсомолец. № 28491, 5 марта 2021. URL: <https://www.mk.ru/culture/2021/03/04/akhmatova-brodskiy-i-ser-isayya-istoriya-tonkikh-otnosheniy.html?ysclid=m290gq2m8r675932588> (дата обращения: 18.11.2024).
7. Ахапкин Д. Н. Иосиф Бродский и Анна Ахматова. В глухонемой вселенной. М.: АСТ, 2021. 228 с.

8. Лосев Л. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. СПб.: Вита Нова; М.: Молодая гвардия, 2010. 544 с.
9. Хейфец М. Июль 2004, Москва // В. Полухина. Иосиф Бродский глазами современников. Книга вторая (1996–2005). Сборник интервью. СПб.: Звезда, 2006. С. 19–56.
10. Немировский И. Либералисты и либертены: Случай Пушкина // НЛЮ. М., 2011. № 111. С. 113–129.
11. Лосев Л. Август 2004 // В. Полухина. Иосиф Бродский глазами современников. Книга вторая (1996–2005). Сборник интервью. СПб.: Журнал Звезда, 2006. С. 57–74.
12. Целков О. Июнь 2004, Париж // В. Полухина. Иосиф Бродский глазами современников. Книга вторая (1996–2005). Сборник интервью. СПб.: Звезда, 2006. С. 130–139.
13. Довлатов С. Партия – наш рулевой! / Речь без повода..., или Колонки редактора. М.: Махаон, 2006. URL: <http://sergeidovlatov.com/books/my-sovetskie-ludi.html> (дата обращения: 20.10.2024).
14. Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине // Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений: В 14 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 8. Статьи. 1952. С. 50–55. URL: <https://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps8/ps8-050.htm> (дата обращения: 20.10.2024).
15. Щербина Т. 10 марта 2004, Лондон // В. Полухина. Иосиф Бродский глазами современников. Книга вторая (1996–2005). Сборник интервью. СПб.: Звезда, 2006. С. 343–365.
16. Писатель, лауреат Нобелевской премии Иосиф Бродский // Информационное агентство ТАСС: сайт. URL: <https://tass.ru/info/1988394> (дата обращения: 16.11.2024).
17. Бродский И. Стихотворения и поэмы. Нью-Йорк: Inter-Language Literary Associates, 1965. 236 с.
18. Ахмадулина Б. Гармонию уничтожить невозможно // В. Полухина. Бродский глазами современников. Сборник интервью. СПб.: Звезда, 1997. С. 75–86.
19. Шварц Е. Холодность и рациональность // В. Полухина. Бродский глазами современников. Сборник интервью. СПб.: Звезда, 1997. С. 199–216.
20. Бродский И. Стихотворения и поэмы (основное собрание). URL: https://lib.ru/BRODSKI/brodsky_poetry.txt (дата обращения: 10.10.2024).
- Literaturovedenie, Yazykovedenie, Kul'turologiya, No. 18 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/personifikatsiya-istoricheskoy-pamyati-v-mifakh-o-pushkine-i-brodskom-1> (accessed: 05.10.2024). (In Russian)
4. Shemetova, T. G. (2010). *Pushkinskii mif: funktsionirovanie v sovremennoi literature* [Pushkin Myth: Functioning in Modern Literature]. Vestnik BGU, No. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pushkinskiy-mif-funktsionirovanie-v-sovremennoy-literature> (accessed: 18.11.2024). (In Russian)
5. Ventslova, T. (2006). *Interv'yu V. Polukhina. Iosif Brodskii glazami sovremennikov. Kniga vtoraya* (1996–2005) [Joseph Brodsky through the Eyes of His Contemporaries. Vol. Two (1996–2005)]. Pp. 140–150. St. Petersburg, "Zvezda". (In Russian)
6. Solovyov, V. (2021). *Akhmatova, Brodskiy i ser Isayya: istoriya tonkikh otnoshenii* [Akhmatova, Brodsky and Sir Isaiah: A History of Delicate Relations]. Moskovskii Komsomolets, No. 28491, March 5. URL: <https://www.mk.ru/culture/2021/03/04/akhmatova-brodskiy-i-ser-isayya-istoriya-tonkikh-otnosheniy.html?ysclid=m290gq2m8r675932588> (accessed: 18.11.2024). (In Russian)
7. Akharkin, D. N. (2021). *Iosif Brodskiy i Anna Akhmatova. V glukhonemoi vselennoi* [Joseph Brodsky and Anna Akhmatova. In the Deaf-Mute Universe]. 228 p. Moscow, Izdatelstvo AST. (In Russian)
8. Losev, L. V. (2010). *Iosif Brodskii: opyt literaturnoi biografii* [Joseph Brodsky: A Literary Biography]. 541 p. St. Petersburg, Vita Nova. (In Russian)
9. Heyfets, M. (2006). *Iyul' 2004, Moskva* [July 2004, Moscow]. V. Polukhina. *Iosif Brodskii glazami sovremennikov. Kniga vtoraya (1996–2005)* [Joseph Brodsky through the Eyes of His Contemporaries. Volume Two (1996–2005)]. Pp. 19–56. St. Petersburg, "Zvezda". (In Russian)
10. Nemirovskii, I. (2011). *Liberalisty i liberteny: Sluchai Pushkina* [Liberals and Libertines: The Case of Pushkin]. NLO, No. 111, pp. 113–129. (In Russian)
11. Losev, L. V. (2006). *Avgust 2004* [August 2004]. V. Polukhina. *Iosif Brodskii glazami sovremennikov. Kniga vtoraya (1996–2005)* [Joseph Brodsky through the Eyes of His Contemporaries. Volume Two (1996–2005)]. Pp. 57–74. St. Petersburg, "Zvezda". (In Russian)
12. Tselkov, O. (2006). *Iyun' 2004, Parizh* [June 2004, Paris]. V. Polukhina. *Iosif Brodskii glazami sovremennikov. Kniga vtoraya (1996–2005)* [Joseph Brodsky Through the Eyes of Contemporaries. Book Two (1996–2005)]. Pp. 130–139. St. Petersburg, "Zvezda". (In Russian)
13. Dovlatov, S. (2006). *Partiya – nash rulevoi! Rech' bez povoda..., ili Kolonki redaktora* [The Party is Our Helmsman!]. *Rech' bez povoda..., ili Kolonki redaktora* [Speech Without Occasion..., or Editor's Columns]. Moscow, Machaon. URL: <http://sergeidovlatov.com/books/my-sovetskie-ludi.html> (accessed: 20.10.2024). (In Russian)
14. Gogol, N. V. (1952). *Neskolko slov o Pushkine* [Several Words about Pushkin]. N. V. Gogol. *Polnoye sobranie sochinenii v 14 t., pp. 50–55*. Moscow, Leningrad, USSR SA. (Pushkinskii dom). T. 8. Stat'yi. URL:

References

1. Polukhina, V. (2009). *Bol'she samogo sebya. O Brodskom* [More than Himself. About Brodsky]. 413 p. Tomsk, ID SK-S. (In Russian)
2. Shemetova, T. G. (2011). *Biograficheskiy mif o Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov* [Biographical Myth about Pushkin in Russian Literature of Soviet and Post-Soviet Periods: Doctoral Thesis Abstract]. Moscow, 47 p. (In Russian)
3. Shemetova, T. G. (2012). *Personifikatsiya istoricheskoi pamyati v mifakh o Pushkine i Brodskom* [Personification of Historical Memory in Myths about Pushkin and Brodsky]. Vestnik RGGU. Seriya:

<https://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps8/ps8-050-.htm> (accessed: 20.10.2024). (In Russian)

15. Shcherbina, T. (2006). *10 marta 2004, London* [March 10, 2004, London]. V. Polukhina. *Iosif Brodskiy glazami sovremennikov. Kniga vtoraya* (1996–2005) [Joseph Brodsky through the Eyes of His Contemporaries. Vol. Two (1996–2005)]. Pp. 343–365. St. Petersburg, “Zvezda”. (In Russian)

16. *Pisatel, laureate Nobelevskoi premii Iosif Brodskii* [Writer, Nobel Prize Winner Joseph Brodsky]. Informatsionnoe agentstvo TASS: sait. URL: <https://tass.ru/info/1988394> (accessed: 16.11.2024). (In Russian)

17. Brodsky, J. (1965). *Stikhotvoreniya i poemi* [Verses and Poems]. 236 p. NY, Inter-Language Literary Associates. (In Russian)

18. Akhmadullina, B. (1997). *Garmoniyu unichtozhit' nevozmozhno* [Harmony Cannot Be Destroyed]. V. Polukhina, V. (Ed.), *Brodskii glazami sovremennikov* [Brodsky through the Eyes of His Contemporaries]. Pp. 75–86. St. Petersburg, “Zvezda”. (In Russian)

19. Shvarts, E. (2006). *Kholodnost' i ratsional'nost'* [Coldness and Rationality]. V. Polukhina. *Brodskii glazami sovremennikov* [Brodsky through the Eyes of His Contemporaries]. Pp. 199–216. St. Petersburg, “Zvezda”. (In Russian)

20. Brodsky, J. *Stikhotvoreniya i poemi. Osnovnoe sobranie* [Verses and Poems. Main Collection]. URL: https://lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_poetry.txt (accessed: 10.10.2024). (In Russian)

The article was submitted on 18.12.2024

Поступила в редакцию 18.12.2024

Баландина Ирина Александровна,
аспирант,
Уральский федеральный университет,
620062, Россия, Екатеринбург,
Мира, 19.
i.a.balandina@urfu.ru

Balandina Irina Alexandrovna,
graduate student,
Ural Federal University,
19 Mira Str.,
Ekaterinburg, 620062, Russian Federation.
i.a.balandina@urfu.ru